

От глобализации к постглобализации: анклавы дополненной современности и перспективы социального развития¹

В статье представлена попытка реконцептуализации социального развития и предложен подход к измерению уровня развития для обществ в условиях постглобализации, когда глобализующие жизнь структуры — сети и потоки парадоксальным образом локализованы в суперурбанизированных центрах. Экономический и социальный разрыв между группой крупнейших городов и остальным миром указывает на то, что результатом глобализации стало не возникновение «мирового общества» или «всемирной социальности», а скорее возникновение сети анклавов глобальности, где жизнь людей по-настоящему глобальна: транснациональна, мультикультуральна и мобильна. Мегалополисы притягивают и генерируют материальные, символические и человеческие потоки, и потому социальная жизнь в них сверхнасыщенная, принимающая форму дополненной со-

временности. Суперурбанизированные анклавы дополненной современности контрастируют с окружающими территориями, откуда вымываются ресурсы и где социальная жизнь переходит в режим истощенной современности. Перспективы социального развития наций теперь зависят от числа, размеров и влияния космополитичных мегаполисов. Поэтому в условиях постглобализации традиционные средства измерения уровня развития предлагается дополнить индексом суперурбанизации.

Ключевые слова: социальное развитие, постглобализация, индекс суперурбанизации, дополненная современность

Дмитрий Иванов

доктор социологических наук, профессор СПбГУ

doi:10.33491/telescope2019.102

Введение

Социальные изменения последних трех-четырёх десятилетий делают необходимым пересмотр моделей социального развития, доминировавших в научных исследованиях и в политических решениях со времен эпохи индустриализации. Изучение социального развития, понимаемого как социальные изменения, сознательно направляемые к достижению общего благополучия людей, является фундаментальной научной проблемой в социологии, поставленной ещё О. Контом, К. Марксом и Г. Спенсером. Социальные изменения — это возникновение и распространение новых социальных структур и новых способов социального взаимодействия, которые создают новое пространство траекторий возможного социального развития и формируют новую повестку развития.

Актуальной целью исследований сейчас становится разработка новой модели социального развития, которая была бы релевантна как новым тенденциям трансформации социальной жизни, так и новейшим достижениям в социологической теории. Актуальность такой разработки обусловлена необходимостью положить в основу политически реалистичной модели социального развития интеграцию теоретических концепций социальных изменений, происходящих в последние десятилетия (имеются в виду постмодернизация, глобализация, виртуализация общества и т. д. [Иванов, 2002], и новейших теоретических концепций социальности, пересматривающих классические представления о социальных системах, структурах и действиях, повседневных практиках и жизненном мире [Giddens, 1984; Luhmann, 1984; Bourdieu, 1998; Latour, 2005; Knorr Cetina, 2001]. Разработка модели социального развития, соответствующей новым тенденциям социальных изменений и новейшим тенденциям в социологической теории, стала бы значимым вкладом и в теоретико-методологический прогресс социальных наук, и в создание прорывных стратегий социальной политики, коллапсировавшей с приходом неолиберализма на смену государству благосостояния (welfare state).

На рубеже XX — XXI веков теоретическая социология создала целый ряд новых концепций социальных изменений, в которых трансформация общества интерпретируется как упадок или даже исчезновение социальных структур и способов взаимодействия, характерных для индустриального общества. Теории постмодернизации [Lyotard, 1984; Baudrillard, 1994; Bauman, 2000], глобализации [Robertson, 1992; Appadurai, 1996;

Bauman, 1998], виртуализации общества [Buhl, 1997; Иванов, 2000] и другие выявляют разные аспекты и тенденции исчезновения этого рода социальной реальности. При этом модели социального развития, лежащие в основе решений национальных правительств все ещё ориентированы на поддержку и наращивание такой социальной реальности. Развитие структур индустриального общества — социальных институтов, нормированных интеракций, массовых организаций, производственных коллективов, функциональных и локальных сообществ, — является главной целью проектов модернизации, определявших повестку социальной политики в XIX и XX веках, и эта социальная реальность должна лишь пройти апгрейд, согласно вошедшим в интеллектуальную и политическую моду проектам информационного общества. Отмеченные выше новые теории социальных изменений показывают распространение новых форм социальной жизни — символических, транснациональных, сетевых и потоковых структур, которые не встраиваются в привычные схемы социального развития и даже выглядят деструктивными с точки зрения традиционной социальной политики. Адекватная открытым в конце прошлого века тенденциям постмодернизации, глобализации и виртуализации модель социального развития ещё не выработана, а социальные науки и социальная политика в новом столетии вполне ожидаемо сталкиваются уже со следующим вызовом — тенденциями социальных изменений после постмодерна, глобализации и виртуализации.

Рассмотрение представленных здесь тенденций позволяет сделать вывод о том, что существует концептуальный разрыв между устаревшими моделями социального развития, используемыми в качестве рамок и оснований для малоэффективных и провоцирующих напряжение социальных реформ, и новыми теоретическими моделями социальных явлений и процессов, созданными в последние десятилетия. Чтобы преодолеть этот концептуальный разрыв, нужно разработать новую модель социального развития, базирующуюся как на анализе трендов изменений в социальной жизни, так и на анализе трендов в социологическом теоретизировании. Такая модель должна быть более релевантной актуальным социальным процессам, чем модели модернизации, утратившие актуальность для технологически и экономически развитых стран, и модели информационного общества, набравшие популярность в политическом истеблишменте [G8 Communiqué, 2000; Okinawa Charter, 2000],

¹ Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом Российского научного фонда (проект № 18-18-00132).

но вызывающие все больше сомнений у продвинутых социологов [Graham, 2001; Иванов, 2000].

Классические концепции социального развития и вызов постглобализации

Концепция социального развития как модернизации общества, которая доминировала до недавнего времени в научном и политическом дискурсах, воспроизводит теоретические идеи, возникшие в условиях раннего индустриального общества. Такие цели развития, как экономический рост, распространение образования, всеобщее благосостояние и социальное обеспечение, поддерживаемые и стимулируемые рациональной системой институтов, являются производными от концепций общества социальной жизни, созданных О. Контом, К. Марксом, Г. Спенсером, Э. Дюркгеймом, М. Вебером и другими теоретиками в XIX — начале XX века. Тогда под социальным развитием по сути понималось создание социального порядка, соответствующего росту массового индустриального производства и запросам его вовлеченных в него людей. С тех пор в дискурсе экономистов и политиков закрепился стандарт мышления, сводящий социальность как таковую и социальное развитие к трем вещам: эффективные институты, высокий уровень потребления, доступность образования и медицины. Концепция модернизации сейчас сменяется концепцией развития как информатизации общества, что отражает теоретический уровень, достигнутый социологией в условиях начала перехода к постиндустриальному обществу во второй половине прошлого века и зафиксированный в работах Д. Белла, А. Турена, Э. Тоффлера, М. Кастельса. С их легкой руки в экономический и политический дискурсы о социальном развитии проникли темы приоритетной роли цифровых технологий и научного знания, создания возможностей для творчества и активизма, настройки системы глобальных коммуникаций, перехода от простого повышения уровня жизни к новому качеству жизни. Но в общем в концепциях построения информационного / постиндустриального общества социальное развитие по-прежнему сводится к развитию традиционных форм социальности — институтов с их структурирующей нормативностью и отчасти к интеракциям с их конструирующим творчеством индивидов, то есть без учета того, что с глобализацией и виртуализацией социальной жизни, с ростом сетевых и потоковых структур социальностей стало больше [Иванов, 2012].

Практические способы оценки уровня социального развития, например показатели, включенные в индекс человеческого развития ООН — ВВП на душу населения, продолжительность жизни, продолжительность образования, сейчас соответствуют моделям, реализующим социологические представления прошлого и позапрошлого столетий. Уровень жизни и качество жизни, измеряемые в средних величинах, предполагают существование в условиях массового общества, когда все живут, потребляют, учатся и лечатся примерно одинаково. И это и есть основное содержание человеческой жизни и организующих ее социальных процессов. Предлагаемые альтернативные методики, например «индекс счастья» (Фонд новой экономики) или «индикаторы социального развития» (Международный институт социальных исследований), ориентированы на учет новых измерений социального развития — экологического, гендерного равенства, гражданского активизма и т.п., но не принимают в расчет уже произошедшие и продолжающиеся изменения социальной реальности. Во-первых, в результате социальных изменений нарастает статусная и культурная дифференциация, исчезает средний слой как социокультурно однородное большинство [Иванов, 2015], легитимировавшее измерение уровня и качества жизни с помощью средних значений. Во-вторых, социальность теперь представлена в конфигурации разных структур, выступающих в качестве различных форм координации, и эти формы существенно различаются по степени традиционно понимаемой социальности. На фоне аб-

солютной / тотальной социальности институтов, частной и ситуативной социальности интеракций, социальность сетевых структур предстает относительной, а социальность потоковых структур — альтернативной [Иванов, 2012].

Новая концепция социального развития может быть разработана на основе анализа современной социальной реальности в двух направлениях. Первое направление — это анализ социальных проблем, возникающих как результат внедрения индустриалистской (модернизация) и постиндустриалистской (информационализм) моделей социального развития: социальное неравенство, отчуждение, экологические риски, неэффективность структур социального управления и контроля в условиях глобализации и виртуализации. Второе направление — это анализ новейших тенденций социальных изменений, включая постглобализацию и поствиртуализацию, которые создают новое пространство возможных траекторий развития и в нем — новое измерение развития: наполненность жизни, превращающуюся в важнейший ориентир развития, наряду с уже традиционными уровнем жизни и качеством жизни.

Новейшим вызовом для социальных наук и социальной политики стал парадокс перехода глобализации в постглобализацию. Три десятилетия назад процессы глобализации заставили социологов пересмотреть традиционные концептуальные средства и рамки анализа — теории социальных систем и теории социального (взаимо)действия, сводившие социальность к двум уровням или формам — институтам с их нормативностью и интеракциям с их креативностью. Концепции сетей и потоков, выдвинутые в конце XX века М. Кастельсом, Дж. Урри, А. Аппадурай, Б. Латуром и др. [Castells, 1996; Urry, 2000; Appadurai, 1990; Latour, 1996], предстают более релевантными, чем традиционные концепции институтов и интеракций, доминировавшие в социологическом теоретизировании и в дискурсе социального развития полтора столетия. Однако, несмотря на инновации продвинутых теоретиков, в социологическом мейнстриме влияние глобализации на социальное развитие рассматривается в основном в терминах институциональных макроструктур и с позиций «методологического национализма», характерных для теории мир-системы и разнообразных концепций глобального неравенства.

Проблемы социального развития в контексте анализа глобализации и ее следствий представляются в терминах разрыва по среднестатистическому ВВП или уровню жизни между странами «ядра» и «периферии» и «полу-периферии» мировой экономической системы [Wallerstein, 2004] или между группами стран, обозначаемыми как «глобальный Север» и «глобальный Юг» [Arrighi, 2001]. Подобного рода модели разрыва на уровне национальных экономик нужно кардинально пересматривать, поскольку новые социально-экономические различия далеко не всегда проходят по привычным национальным границам, а богатство и власть все больше концентрируются в сетях, образуемых мегаполисами и транснациональными потоками ресурсов, циркулирующими между этими «командными центрами» современной экономики [Sassen, 2005; Khanna, 2016].

Развитие мегаполисов в особый социоструктурный и социокультурный феномен можно назвать суперурбанизацией, чтобы отличать этот процесс, являющийся компонентом глобализации и ее перехода в постглобализацию, от урбанизации двух прошлых столетий, которая была одним из ключевых компонентов модернизации. Мир перешел из фазы просто урбанизации в фазу суперурбанизации около 2010 года, когда численность горожан превысила 50% мирового населения. Согласно Докладу ООН об урбанизации, в 1950 г. в мире насчитывалось всего 6 городов с населением свыше 5 миллионов человек, а к 2010 г. число таких городов выросло до 60 и к 2014 г. — до 71. [United Nations, 2014]. В этом суперурбанизированном мире траектории социального развития следует рассматривать не только в контексте различий между городскими и сельскими сообществами / условиями жизни, но также и в контексте рас-

тущих различий между суперурбанизированными территориями и остальными территориями и сообществами, как городскими, так и сельскими. По данным исследования Института Брукингса в 300 крупнейших городах проживает лишь 20% населения планеты, но при этом производится около 50% мирового ВВП [The Brookings,

2012, 2018]. Другое исследование, проведенное под эгидой консалтинговой компании McKinsey дало сходные результаты: 600 крупнейших городских экономик концентрируют в себе 22% мирового населения и обеспечивают более 50% мирового ВВП [McKinsey, 2011]. Суперурбанизированные территории по показателям производительности в подавляющем большинстве случаев существенно опережают национальные экономики, частью которых являются (Табл. 1). И тем самым суперурбанизация открывает новое измерение неравенства — разрыв между суперурбанизированными точками доступа к ресурсам, где шансы на благополучную жизнь выше, и окружающими территориями, где сети социально-экономических связей и потоки ресурсов не образуют таких плотных, насыщенных структур или вовсе отсутствуют.

Контраст между высоким уровнем социального развития и низким уровнем теперь не может быть идентифицирован лишь как разделение «глобальный Север / глобальный Юг». Внутри самого «глобального Юга» обозначился резкий социальный разрыв, нашедший идеологическое и политическое выражение в 2016 г. в голосовании в Великобритании по вопросу выхода из Евросоюза (Brexit) и в победных для Д. Трампа президентских выборах в США. Статистика голосования в обоих случаях четко указывает на то, что избиратели в маленьких городах и сельской местности, меньше вовлеченные в транснациональные сетевые и потоковые структуры, чаще голосовали против той нелиберальной и глобалистской политической повестки, которую с энтузиазмом поддерживают жители суперурбанизированных центров. Этнокультурный состав, образ жизни, ценностные ориентации жителей Лондона мотивировал их в большинстве случаев голосовать против выхода из ЕС так же, как и жителей Нью-Йорка и Лос-Анджелеса — против Трампа. Крупные города (с населением в 5-10 млн. человек) и мегагорода (свыше 10 млн. жителей) оказались более космополитичными и либеральными, чем консервативное большинство нации, рассеянное по множеству «захудалых местечек». Апелляции к «национальным интересам» в противовес глобализации консолидировали практически половину избирателей, и социокультурный контраст между очагами глобализации и окружающей их нацией, живущей по нормам уже ушедшей индустриализации и модернизации, превратился в политическое противостояние равновеликих сил. Эффекты Брексита и Трампа показали, что суперурбанизированные территории не только экономически живут в своей особой реальности, но и социокультурно и политически отделяются от той социальной реальности, которая со времен модернизации поддерживается на территории каждой страны институтами национального государства.

Экономический и социальный разрыв между группой крупнейших городов и остальным миром говорит в пользу того, что глобализация не привела к ожидавшемуся формированию «мирового общества» или возникновению «всемирной социальности», а породила лишь анклавность глобальности. Находясь в та-

Таблица 1. Превышение ВВП на душу населения в крупнейших городах по отношению к региону, %

город	регион	ВВП на душу населения (ВВП на душу населения в регионе = 100%)
Нью-Йорк	США	133
Лос-Анджелес	США	122
Париж	Западная Европа	159
Лондон	Западная Европа	144
Токио	Япония	119
Осака	Япония	99
Москва	Россия	257
Санкт-Петербург	Россия	131

Источник: составлено автором по [McKinsey, 2012] и [Регионы России, 2017].

ких суперурбанизированных центрах, как Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Лондон, Париж, Токио, Гонконг, Шанхай, Москва, Стамбул, Сеул и других мегаполисах, связанных трансграничными материальными, символическими, людскими потоками, можно получить опыт в полной мере глобальной жизни, то есть не связанной границами, мобильной и мультикультуральной. Таким образом, после глобальных, то есть всеохватывающих трансформаций, происходит не ожидавшееся теоретиками и политиками планетарное распространение институтов современного общества, а локализованное замещение привычных для современности структур интенсивными потоками. Это и есть постглобализация как переход от глобализации к ее парадоксальным следствиям.

Парадоксальным образом, термин «глобальное» теперь означает не нечто планетарное, а нечто локальное, но со свойствами глобальности. Глобальность локализована в суперурбанизированных анклавах, так что предмет изучения так называемой глобальной социологии — это не тотальность обществ и отношений между ними, а сети (г)локальностей, конституируемых транснациональными / транслокальными потоками. Глобализация, обещавшая структурную гомогенность и культурную унификацию, осталась в прошлом. Постглобализация проявляет себя в росте и автономизации суперурбанизированных анклавов глобальности. Популярное в социологическом и экономическом дискурсах различие «ядра» и «периферии» мирового социально-экономического порядка приобретает теперь совершенно иной смысл. «Ядро» становится распределенным, рассеянным в сетях, образуемых двумя-тремя сотнями космополитичных суперурбанизированных анклавов глобальности. И основные перспективы социального развития, как и основные социальные проблемы, определяются теперь процессами в этих очагах или эпицентрах постглобализации.

Вызов постглобализации привычным моделям социального развития, связанным с институтами индустриального общества и национального государства, определяется не только концентрацией богатства, власти и культурного доминирования в суперурбанизированных анклавах глобальности. В сравнении со странами, к которым они принадлежат, в крупнейших городах выше уровень экономического развития и в тоже время выше уровень неравенства. (Табл. 2).

Сочетание относительно высоких уровней, как экономического развития, так и социального неравенства указывает на то, что в анклавах глобальности неравенство представлено в двух его современных формах: исключительность и неодинаковая включенность. Жители малых городов и деревень автоматически лишаются доступа ко многим социальным благам, поскольку исключены из тех социальных процессов и структур, которые образуются потоками ресурсов, циркулирующими внутри сетей крупных городов и мегагородов. Однако большинство жителей суперурбанизированных анклавов, вовлеченных в такие потоки, оказывается в условиях еще большего и изолированного неравенства, так как социальная включенность для них

означает участие в качестве дискриминируемых в новейших формах — сетевых и потоковых структурах неравенства постиндустриального капитализма [Иванов, 2015; Иванов, Асочаков, 2016; Богомякова, 2016].

Люди мигрируют в крупные города и мегагорода в стремлении получить шанс повысить уровень и качество своей жизни. Но в суперурбанизированных анклавах они попадают не в двумерное социальное пространство, где благополучие измеряется как *уровень жизни* (уровень дохода или объем потребления в калориях, килограммах, штуках и т. п.) и как *качество жизни* (доступность социальных сервисов — образования и здравоохранения, и комфортной социальной среды — экологичной и безопасной), а в трехмерное, где формируется еще одно измерение социального развития и благополучия — *наполненность жизни*. Если уровень жизни и качество жизни связаны с эффективной встроенностью в социальные институты и интеракции, то наполненность жизни достигается активной вовлеченностью и лидерством в сетевых и потоковых структурах, что открывает доступ к высокотехнологичным и имиджевым благам, к насыщенному социокультурному опыту и мобильности. Наполненность жизни измеряется насыщенностью личного опыта участием в потребительских и социокультурных трендах, креативностью и мобильностью деятельности, а в общем, интенсивностью потоков, структурирующих текущее существование современного человека — *'homo super-urbanus'*.

Суперурбанизированные анклавы дополненной современности и перспективы социального развития

Разрыв в уровне, качестве и наполненности жизни между суперурбанизированными анклавами и остальными территориями и сообществами кардинально меняет динамику социального развития по обе стороны этого разрыва. Возникают два типа социальности, две разные современности.

Мегаполисы, притягивающие ресурсы всех видов, а главное — человеческие ресурсы, и генерирующие новые социальные структуры — сетевые и потоковые, становятся центрами создания и распространения новой социальности. Социальная жизнь в точках доступа к транснациональным сетям и потокам материальных, символических, человеческих и технологических ресурсов превращается в насыщенное киберфизическим опытом существование в режиме дополненной реальности (*augmented reality*).

Метафора дополненной реальности становится эффективным аналитическим инструментом, поскольку социальные изменения последних 10-15 лет ведут к сдвигу от виртуализации социальной жизни к тенденциям поствиртуализации. Виртуализация — это замещение реальных объектов и реальных действий образами и коммуникациями. Социальная жизнь с конца XX века оказалась погружена в виртуальные реальности, создаваемые брендингом, имиджмейкингом, коммуникациями через традиционные и новые цифровые медиа. Образы и коммуникации зачастую оказываются более эффективными в бизнесе, политике, создании социальных общностей и движений, чем господствовавшие в обществе современного типа соци-

Таблица 2. Неравенство доходов на национальном уровне и уровне крупнейших городов

Страна / город	Индекс Джини (год оценки)
Россия	0,420 (2012)
Москва	0,486 (2012)
Санкт-Петербург	0,443 (2012)
США	0,469 (2010)
Нью-Йорк	0,499 (2010)
Лос-Анджелес	0,489 (2010)
Япония	0,329 (2012)
Токио	0,375 (2011)
Осака	0,400 (2011)

Источник: составлено по [Иванов, 2015: 25].

альные институты и интеракции. Виртуализация общества приводит к превращению сетевых структур в доминирующие социальные структуры.

Контраст между возникшей виртуальной реальностью и привычной социальной реальностью был впечатляющим в последние десятилетия, однако сейчас, в XXI в., виртуальная реальность образов и коммуникаций перестает быть социальной экзотикой и становится рутинной и обыденностью. Перепроизводство образов и коммуникаций приводит к их обесцениванию, а ценностью все чаще становится физическое присутствие, непосредственный опыт, тактильность, «аналоговость» в противовес «цифре». В крупных городах бизнесмены и активисты альтернативных движений все чаще создают пространства, функция которых — быть точкой доступа к реальности (креативные пространства, лофты, коворкинги, антикафе, ко-токафе...).

Новые тренды в потреблении и стиле жизни демонстрируют, что «поворот к реальности» не ослабляет виртуальность, а ведет к социальной жизни в режиме дополненной реальности, в которой происходит взаимопроникновение разных социальных реальностей и интегрируются физические и цифровые, материальные и символические, производственные и потребительские, частные и публичные, модернистские и постмодернистские компоненты человеческого существования. Эти тенденции представляют собой поворот к поствиртуализации: после виртуализации социальной реальности эта реальность не исчезает, как предполагали теоретики постсовременности [Baudrillard, 1994; Lyotard, 1984] и не вытесняется, но становится более интенсивной и принимает формы, которые можно охарактеризовать как «дополненную современность» (*augmented modernity*).

Устремляясь в мегаполисы, чтобы попасть в точки доступа к ресурсам, а внутри мегаполисов стремясь в точки доступа к реальности, люди из различных условий множественных современностей (*multiple modernities*) попадают в дополненную современность. Насыщенная, интенсивная и турбулентная социальность в крупных городах и мегагородах все больше контрастирует с социальной жизнью в малых городах и в сельской местности, которые теряют ресурсы, в первую очередь человеческие, которые «вымываются» потоками, идущими в направлении суперурбанизированных анклавов дополненной современности. За пределами мегаполисов упадок характерных для развитого индустриального общества институтов так называемого «социального государства» (*welfare state*), демонтированных в ходе неолиберальных реформ, и уменьшение числа и разнообразия интеракций, вызванное оттоком наиболее социально активного населения, приводит к «истощению» соци-

Таблица 3. Индекс суперурбанизации для 20 наиболее развитых стран

Страна	Значение Индекса	Ранг
Сингапур	1.00	1
Австралия	0.55	2
Южная Корея	0.28	3
Турция	0.25	4
США	0.22	5
ЮАР	0.21	6
Япония	0.20	7
Саудовская Аравия	0.19	8
Мексика	0.18	9
Россия	0.17	10
Канада	0.17	11
Франция	0.16	12
Китай	0.15	13
Бразилия	0.14	14
Аргентина	0.14	15
Великобритания	0.12	16
Индия	0.05	17
Индонезия	0.03	18
Германия	0.00	19
Италия	0.00	20

Источник: составлено автором на основе собственных расчетов.

альности. Результатом глобализации, по мысли ведущих теоретиков [Giddens, 1990; Robertson, 1992], должно было стать повсеместное распространение и умножение форм социальности, порожденных модернизацией, и возникновение глобальной современности (*global modernity*). Однако сейчас, в ситуации постглобализации можно наблюдать скорее локализованное возникновение более интенсивной социальной жизни в режиме дополненной современности (*augmented modernity*), тогда как за пределами суперурбанизированных анклавов такой дополненной современности господствует тенденция упадка социальных структур современности и перехода социальной жизни в режим истощенной современности (*exhausted modernity*).

Поскольку в условиях постглобализации «ядро» социально-экономического развития «рассеяно» в сетях анклавов дополненной современности, перспективы социального развития обществ, традиционно структурированных и контролируемых национальными государствами, зависят от числа, размеров и влияния космополитических очагов суперурбанизации, которые притягивают и генерируют потоки ресурсов. Анклавы глобальности / дополненной современности создают для национально-государственных бюрократий множество проблем и неудобств, поскольку сетевые и потоковые структуры пронизывают национальные границы, ускользают из-под контроля и становятся конкурентами для привычно управляемых институтов. Но перспективные решения возникающих проблем, в том числе проблем повышения экологической нагрузки и истощения социальности вокруг них, также генерируются в основном в самих суперурбанизированных анклавах. Поэтому национальные государства зависят в решении проблем социального развития от транснациональных структур и космополитических узлов этих структур.

Новый подход к концептуализации социального развития и к измерению его потенциала и уровня необходим, и понимание этой необходимости уже воплощается в аналитических разработках. Показатели, включенные в наиболее известный и влиятельный индекс человеческого развития, разработанный под эгидой ООН (ВВП на душу населения, средняя ожидаемая продолжительность жизни, средняя продолжительность периода получения образования), релевантны периоду расцвета массового, индустриального общества и национального государства. Предложенные в последние годы альтернативные методы, например, «индекс счастья» (Happy Planet Index) от Фонда новой экономики (New Economics Foundation) и «индексы социального развития» от Международного института социальных исследований (International Institute of Social Studies)

ориентированы не только на экономическое измерение развития, но и на новые измерения, отражающие тенденции постиндустриализации и глобализации. В новые индексы развития включаются показатели экологической обстановки, гендерного равенства, гражданского активизма, доступности информационных ресурсов и т. п. Новые индексы развития учитывают социальные изменения предшествующих трех-четырёх десятилетий, но теперь пришло время рассмотрения проблем социального развития в контексте новейших тенденций — постглобализации и коррелирующей с ней поствиртуализации.

Создание полноценных индексов, учитывающих как уже традиционные показатели уровня жизни и качества жизни, так и новые показатели наполненности жизни, требует длительной разработки. Первым шагом в такой разработке может быть предлагаемый здесь индекс суперурбанизации, являющийся инструментом приблизительной оценки перспектив социального развития различных стран в условиях постглобализации. Поскольку новые социальные структуры, и, следовательно, потенциал развития создается в основном в крупных городах и мегагородах, их числом и долей в национальном ВВП и в населении страны определяются перспективы создания дополненной социальной реальности. Индекс суперурбанизации вычисляется по следующей формуле:

$$ISU = (Nsu2030 / P2030) (SGDP2014 / SP2014),$$

где:

Nsu2030 — ожидаемое к 2030 г. число крупных городов с населением от 5 до 10 миллионов человек и мегагородов с населением свыше 10 миллионов;

P2030 — ожидаемая к 2030 г. общая численность населения страны;

SGDP2014 — текущая доля крупных городов и мегагородов в национальном ВВП (по данным на 2014 г.);

SP2014 — текущая доля крупных городов и мегагородов в

численности населения страны (по данным на 2014 г.).

Для нормализации показателей по разным странам использована стандартная форма индекса. Для n -й страны индекс рассчитывается как:

$$I_n = (ISU_n - ISU_{\min}) / (ISU_{\max} - ISU_{\min}),$$

где:

ISU_n — абсолютная величина индекса суперурбанизации для n -й страны;

ISU_{\min} — наименьшее абсолютное значение индекса среди стран в выборочной совокупности;

ISU_{\max} — наибольшее абсолютное значение индекса.

Предлагаемый индекс был протестирован на выборке, включающей наиболее развитые страны мира, входящие в группу G20, а также Сингапур, отобранный как предположительно самый социально-экономически развитый суперурбанизированный анклав глобальности (Табл. 3). Данные для расчета индекса были взяты из докладов ООН (United Nations 2016) и из документов национальных статистических бюро / агентств.

Анализ полученного рейтинга стран показывает, что старые лидеры модернизации (Западная Европа и США) и считающиеся с недавних пор будущими лидерами следующей модернизации страны БРИКС в действительности имеют средний потенциал развития в условиях постглобализации. Связанные с ними ожидания останутся в прошлом, поскольку ресурсы и структуры, определявшие характер социального развития в прошлые десятилетия и столетия, больше не являются ключевыми для формирования общества сетей и потоков, общества дополненной реальности. Страны БРИКС — Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская республика, находясь в рейтинге ниже многих стран, включая США, Южную Корею, Австралию и Сингапур, который имеет наивысший показатель индекса суперурбанизации, будучи фактически городом-государством и образцовым примером социального развития на платформе суперурбанизированного анклава глобальности / дополненной современности. Сингапур и отчасти Австралия и Южная Корея могут рассматриваться в качестве стран, задающих образцы социального развития, более дружно соответствующие условиям постглобализации.

Индекс суперурбанизации позволяет по-новому оценить перспективы социального развития, но данный индекс не может быть единственным показателем и не может полностью заменить традиционные показатели уровня жизни и качества жизни. Эти индикаторы развития должны быть дополнены показателями наполненности жизни в новой теоретической модели и в новой комплексной системе индикаторов социального развития в условиях постглобализации. Новые компоненты модели социального развития должны строиться с использованием данных о мобильности населения, информационных потоках и сетевой активности пользователей интернета в суперурбанизированных центрах дополненной современности и в зонах истощенной современности.

Заключение

Подводя итог представленному анализу новых вызовов традиционным моделям социального развития, можно сделать базовый вывод: постглобализация кардинально меняет современную повестку социального развития. В условиях постглобализации «ядро» мирового социально-экономического порядка функционирует как распределенное в сетях суперурбанизированных анклавов глобальности / дополненной современности. Поэтому перспективы социального развития той или иной страны зависят от числа, размеров и влияния тех крупных городов и мегагородов, которые есть на территории страны и притягивают и генерируют потоки товаров, денег, людей, информации и т. д. Представленный выше индекс суперурбанизации дает в первом приближении количественную оценку раз-

личий в потенциале постглобализационного развития 20 стран. И эта оценка позволяет сделать вывод, что как старые лидеры модернизации (страны Западной Европы, а также США), так и рассматриваемые в качестве будущих лидеров следующей модернизации страны БРИКС в действительности имеют весьма умеренный потенциал лидерства в формировании новой социальности. И в то время, как Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР, ориентированные на устаревшие модернизационные паттерны развития оказываются в рейтинге перспектив развития ниже многих стран, город-государство Сингапур занимает высшую позицию в рейтинге и на практике задает образец социального развития, отвечающего логике новейших трансформаций, представленных здесь как постглобализация, суперурбанизация, поствиртуализация. С учетом таких паттернов можно переформулировать повестку развития и дополнить традиционные модели социального развития и традиционные показатели уровня жизни и качества жизни новой теоретической моделью и новой системой эмпирических индикаторов, которые бы в полной мере соответствовали тенденциям социальных изменений.

Список литературы

- Богомякова Е. С. Новые конфигурации социального неравенства в контексте развития биотехнологий // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2016. № 2. С. 38-42.
- Иванов Д. В., Асочаков Ю. В. Будущее как предмет социологии // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2016. № 3. С. 15-21.
- Иванов Д. В. Виртуализация общества. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000.
- Иванов Д. В. Императив виртуализации. Современные теории общественных изменений. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002.
- Иванов Д. В. К теории потоковых структур // Социологические исследования. 2012. № 4. С. 8-16.
- Иванов Д. В. Новые конфигурации неравенства: анклавы глобальности и структуры глэм-капитализма // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2015. № 4. С. 24-31.
- Регионы России: социально-экономические показатели. Москва: Росстат, 2017. Доступно в интернете по адресу: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/region/reg-pok17.pdf
- Appadurai A. Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy // M. Featherstone (ed.), *Global Culture: Nationalism, Globalization, and Modernity*. London: SAGE, 1990.
- Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.
- Arrighi G. *Global Capitalism and the Persistence of the North — South Divide* // *Science & Society*. 2001. 65 (4), P. 469-476.
- Baudrillard J. *Simulacra and Simulation*. Ann Arbor, 1994.
- Bauman Z. *Globalization: the human consequences*. New York: Columbia University Press, 1998.
- Bauman Z. *Liquid Modernity*. Cambridge, 2000.
- Bourdieu P. *Practical Reason: on the Theory of Action*. Stanford, 1998.
- Buhl A. *Die Virtuelle Gesellschaft*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1997.
- Castells M. *The Rise of the Network Society*. Oxford: Blackwell, 1996.
- G8 Communique Okinawa 2000. Доступно в интернете по адресу: <http://www.g8.utoronto.ca/summit/2000okinawa/finalcom.htm>
- Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press, 1990.
- Giddens A. *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge, 1984.
- Graham N. *Information Society as Theory or Ideology: A Critical Perspective on Technology, Education and Employment in the Information Age*, in *Information, Communication & Society*. 2000, N3, P. 139-151.
- Khanna P. *Connectography: Mapping the Future of Global Civilization*. New York: Random House, 2016.
- Knorr Cetina K. *Postsocial Relations. Theorizing in a Postsocial Environment* // *Handbook of Social Theory*. ed. by G. Ritzer and B. Smart. London: SAGE Publications, 2001.
- Lash S., Urry G. *Economies of Signs and Spaces*. London, 1994.
- Latour B. *On actor-network theory. A few clarifications* // *Soziale Welt*. 1996. Vol. 47, No 4. P. 369-381.
- Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. Oxford, 2005.

Luhmann N. *Soziale Systeme: Grundriß einer allgemeinen Theorie*. Frankfurt: Suhrkamp, 1984.
 Lyotard, J.-F. *The Postmodern Condition*. Manchester, 1984.
 McKinsey Global Institute. *Urban America: US Cities in the Global Economy*, 2012.
 McKinsey Global Institute. *Urban World: Mapping the Economic Power of Cities*, 2011.
 Okinawa Charter on Global Information Society. 2000. Доступно в интернете по адресу: <https://www.mofa.go.jp/policy/economy/summit/2000/documents/charter.html>
 Robertson R. *Globalization: Social Theory and Global Culture*. London: SAGE Publications, 1992.
 Sassen S. *The Global City: Introducing a Concept* // *Brown Journal of World Affairs*. 2005. 11 (2), P. 27-43.

The Brookings Institution. *Global Metro monitor: Slowdown, Recovery*. Metropolitan Policy Program, 2012.
 The Brookings Institution. *Global Metro monitor 2018*. Metropolitan Policy Program at Brookings, 2018.
 United Nations. *Urbanization and Development: Emerging Futures*. World Cities Report 2016. Nairobi: UN-Habitat, 2016.
 United Nations. *World Urbanization Prospects*. New York: UN DESA, 2014.
 Urry J. *Sociology beyond Societies. Mobilities for the Twenty-First Century*. London and New York, 2000.
 Wallerstein I. *World-System Analysis: An Introduction*. Durham: Duke University Press, 2004.

From globalization to post-globalization: enclaves of augmented modernity and prospects of social development

Dmitry Ivanov

Doctor of Sociology, Professor,
St. Petersburg State University

Abstract: The article presents an attempt to reconceptualize social development and to measure its level for societies facing the post-globalization as globalizing networks and flows paradoxically are localized in super-urban areas. The economic and social divide between the group of the largest cities and the rest of the world supports the idea that globalization has resulted not in the 'world society' or 'worldwide sociality' but rather in networked enclaves of globality where people experience borderless, multicultural, and mobile social life in the regime of augmented modernity. In the post-globalization age, the 'core' of socioeconomic order is dispersed into networks of enclaves of augmented modernity contrasting with exhausted modernity outside them. The nations' prospects of social development depend on number, size, and influence of cosmopolitan super-urban areas attracting and generating transnational material, human, and symbolic flows. The super-urbanization index is elaborated to measure nations' prospects under post-globalization conditions. Traditional indices of standard of living and quality of life have to be augmented in the new theoretical model and system of empirical indicators of social development under post-globalization conditions.

Keywords: social development, post-globalization, super-urbanization index, augmented modernity

doi:10.33491/telescope2019.102

References

Appadurai A. (1990) *Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy* // M. Featherstone (ed.), *Global Culture: Nationalism, Globalization, and Modernity*. London: SAGE.
 Appadurai A. (1996) *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
 Arrighi G. *Global Capitalism and the Persistence of the North – South Divide* // *Science & Society*. 2001. 65 (4), P. 469-476.
 Baudrillard J. (1994) *Simulacra and Simulation*. Ann Arbor.
 Bauman Z. (1998) *Globalization: the human consequences*. New York: Columbia University Press.
 Bauman Z. (2000) *Liquid Modernity*. Cambridge.
 Bogomyagkova E. S. (2016) *New Configurations of Social Inequality in the Context of Biotechnologies Development* // *Teleskop. Journal of Sociology and Marketing Research*. N 2 (116), p. 38-42.
 Bourdieu P. (1998) *Practical Reason: on the Theory of Action*. Stanford.
 Buhl A. (1997) *Die Virtuelle Gesellschaft*. Opladen: Westdeutscher Verlag.
 Castells M. (1996) *The Rise of the Network Society*. Oxford: Blackwell.
 G8 Communique Okinawa (2000). Доступно в интернете по адре-

cy: <http://www.g8.utoronto.ca/summit/2000okinawa/finalcom.htm>
 Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press.
 Giddens A. (1984) *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge.
 Graham N. (2000) *Information Society as Theory or Ideology: A Critical Perspective on Technology, Education and Employment in the Information Age*, in *Information, Communication & Society*, N3, P. 139-151.
 Ivanov D. V. (2000) *Virtualization of Society*. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.
 Ivanov D. V. (2002) *Virtualization imperative: Contemporary theories of societal change*. St. Petersburg: St. Petersburg University Publishing.
 Ivanov D. V. (2012) *Towards a theory of flow structures* // *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. N 4, p. 8-16
 Ivanov D. V. (2015) *New Configurations of Inequality: Enclaves of Globality and Structures of Glam-Capitalism* // *Teleskop. Journal of Sociology and Marketing Research*. N 4 (112), p. 24-31.
 Ivanov D. V., Asochakov Y. V. (2016) *The Future as a Subject of Sociology* // *Teleskop. Journal of Sociology and Marketing Research*. N 3 (117), p. 15-21.
 Khanna P. (2016) *Connectography: Mapping the Future of Global Civilization*. New York: Random House.
 Knorr Cetina K. (2001) *Postsocial Relations. Theorizing in a Postsocial Environment* // *Handbook of Social Theory*, ed. by G. Ritzer and B. Smart. London: SAGE Publications.
 Lash S., Urry G. (1994) *Economies of Signs and Spaces*. London.
 Latour B. (1996) *On actor-network theory. A few clarifications* // *Soziale Welt*. Vol. 47, No 4. P. 369-381.
 Latour B. (2005) *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. Oxford.
 Luhmann N. (1984) *Soziale Systeme: Grundriß einer allgemeinen Theorie*. Frankfurt: Suhrkamp.
 Lyotard J.-F. (1984) *The Postmodern Condition*. Manchester.
 McKinsey Global Institute. (2012) *Urban America: US Cities in the Global Economy*.
 McKinsey Global Institute. (2011) *Urban World: Mapping the Economic Power of Cities*.
 Okinawa Charter on Global Information Society. (2000). Retrieved from <https://www.mofa.go.jp/policy/economy/summit/2000/documents/charter.html>
 Robertson R. (1992) *Globalization: Social Theory and Global Culture*. London: SAGE Publications.
 Rosstat – Federal Agency of the State Statistics (2017). *Regions of Russia. Social and Economic Indicators*. Moscow: Rosstat. Retrieved from http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/region/reg-pok17.pdf
 Sassen S. (2005) *The Global City: Introducing a Concept* // *Brown Journal of World Affairs*. N 11 (2), P. 27-43.
 The Brookings Institution. (2012) *Global Metro monitor: Slowdown, Recovery*. Metropolitan Policy Program.
 The Brookings Institution. (2018) *Global Metro monitor 2018*. Metropolitan Policy Program at Brookings.
 United Nations. (2016) *Urbanization and Development: Emerging Futures*. World Cities Report 2016. Nairobi: UN-Habitat.
 United Nations. (2014) *World Urbanization Prospects*. New York: UN DESA.
 Urry J. (2000) *Sociology beyond Societies. Mobilities for the Twenty-First Century*. London and New York.
 Wallerstein I. (2004) *World-System Analysis: An Introduction*. Durham: Duke University Press.